

М., 2006. С. 349.) Исходя из таких суждений и приходим к выводу о том, что собственность позволяет человеку быть свободным для реализации своей сущности. Как утверждал Н. Бердяев, «личность есть то, что человек есть, она остается, когда он уже ничего не имеет» (Бердяев Н. А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Николай Бердяев. М., 2006., С. 182) И именно с понятием собственности связана возможность становления индивида личностью.

Русова В. Л.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
ассистент кафедры философии*

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВА НА УБИЙСТВО ПРИ НЕОБХОДИМОЙ САМООБОРОНЕ

В последнее время все чаще рассматриваются философско-правовые аспекты феномена смерти – эвтаназия, смертная казнь, чуть реже говорят об абортах.

Однако из поля внимания исследователей ускользает еще одна грань проблемы смерти – право на убийство человека в ходе самообороны. С точки зрения нравственности такая ситуация весьма проблемна для индивида: с одной стороны, лишить человека, даже преступника, жизни – значит нарушить главную нравственную заповедь, с другой, – человеку естественно защищать свою жизнь и жизнь близких, тем более от противоправного деяния. Имеет ли человек право отвечать насилием на насилие?

Оказать ли насильственное противодействие или нет – проблема не только сугубо личностная, но так же и общественная. Для общества определенность в этом вопросе не менее важна, чем для человека, – ведь если конкретный человек может долгое время не сталкиваться с ситуацией, в которой ему необходимо будет убить, чтобы не быть убитым, то общество постоянно выполняет судебные функции, в которых необходимо четкое разграничение дозволенного и запрещенного при разрешении вопроса о необходимой самообороне.

На вопрос о нравственной правомерности убийства нападающего при самообороне сложились две противоположные позиции – первая, существующая в современном обществе, согласно которой такой убийца может и должен освобождаться не только от законодательного, но и нравственного осуждения, и вторая, позиция «непротivления насилию», которую поддерживали в своей этике Лев Николаевич Толстой, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, кроме того, этой идеей пропитана христианская этика. А. А. Гусейнов и Р. Г. Апресян в своей книге «Этика», рассуждая об этико-философской стороне санкционирования государством смертной казни, выдвигают аргументы против признания государством права на убийство, так как это посягает на коренной нравственный принцип самоценности человеческой жизни. «Фактом своего существования смертная казнь есть попытка контрабандным путем провести мысль, будто убийство может быть человеческим, разумным делом» (Гусейнов А. А. Этика Гусейнов А. А. Этика: Учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2005. – С. 441). Т. е. ни одно убийство

не может быть «человеческим» делом. Получается, что обороняющийся, убивая, чтобы не быть убитым, поступает бесчеловечно? Можно согласиться с мнением авторов, что законодательное закрепление права на убийство оказывает нравственно развращающее влияние на общество: в обществе тем самым утверждается мысль о том, что лишение человека жизни в некоторых случаях может быть справедливым, благим делом, но можем ли мы на основании этих измышлений отказаться от права на необходимую самооборону? Конечно же, нет. Закрепив эту норму законодательно, государство тем самым отразило естественное право человека на жизнь, на продолжение собственного единственного и неповторимого бытия.

Грань между нравственным преступлением и естественным правом человека на жизнь, а соответственно и на защиту своей жизни, невероятно тонка, и эта грань отражается в позитивном праве в установлении *мер* необходимой самообороны. По мнению известного советского философа Ивана Александровича Ильина, исследовать проблему о допустимости сопротивления злу силой имеет смысл только при нескольких условиях, при которых мера нравственно и законодательно правомерного, мера истинно человеческого поведения не будет превышать. Во-первых, необходимо наличие противоправной, противодуховной воли нападающего. Вторым условием постановки проблемы Ильин считает внешнюю проявленность злых намерений. Третье условие заключается в верном восприятии и оценке злых намерений. Четвёртым условием Ильин называет наличие волевого отношения и способность к волевому действию по сопротивлению насилию. И последнее, пятое, условие: вопрос о противлении злу силой можно верно поставить только если оказались бессильными другие, несиловые методы.

Трудно сказать, что эти условия легко выполнимы. На практике очень сложно определить действительно ли была реальной угрозой жизни обороняющегося, наступил ли момент, когда иными способами, кроме как убийства нападающего, сопротивляться насилию – всё это очень субъективно и находится в сильной зависимости от духовного опыта. Там, где один увидит зло и применит силу, другой увидит лишь заблуждение и сможет найти мирное решение.

Однако, если все эти условия учтены, убийство, совершенное при необходимой самообороне, как считает Ильин, является допустимым с точки зрения этики, и если соблюдение справедливости в отношении других людей предполагает исполнение своих обязанностей, то справедливость же в отношении себя предполагает отстаивание собственных прав – в данном случае, естественного права на жизнь, на продолжение собственного единственного и неповторимого бытия.

Обороняющийся несет в себе смысл существования общества, а нападающий на него с преступными намерениями разрушает его. Обороняющийся выступает, как бы, от имени бытия, он реализует сущность человека и общества, другой же этого не делает. Право как сфера должного выступает на стороне законопослушного гражданина, а не просто абстрактного индивида. Таким образом, человек, совершивший убийство при самообороне может и должен освобождаться не только от законодательного, но и нравственного осуждения. Категорический запрет «Не убий!» обозначает границу, отделяющую нравственность от безнравственности, однако, вместе с тем общественное

сознание, в том числе и этика, допускают ситуации нравственно оправданного насилия, одна из них – убийство при необходимой самообороне.

Калмазан А. В.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
аспирант кафедры философии*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОКИ СМЫСЛА ТЕРМИНА «КОНЦЕПТ» И ИХ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Одним из широко распространенных способов уточнения понятия, термина является обращение к истории его возникновения, формирования. Поскольку мы хотели бы уточнить смысл термина «концепт», постольку задачей настоящего выступления является анализ средневекового этапа формирования этого термина. Почему именно этого этапа? Во-первых, потому, что само возникновение термина связано именно со средневековой философией. Во-вторых, потому, что в средние века были заложены все основные элементы смысла этого термина, которые стали активизироваться в современных гуманитарных исследованиях. В-третьих, и это главное: именно у средневековых авторов появились те варианты смысла термина «концепт», которые, на наш взгляд, весьма эвристичны для современной юриспруденции, для анализа оснований ее категориально-го базиса, и тем самым для философии права.

Средневековая практика употребления термина «концепт» связана с именами Петра Абеляра, Фомы Аквинского, Дунса Скота и Уильяма Оккама. В своем анализе мы опираемся далее на результаты глубоких, интересных исследований С. С. Неретиной, главным образом, на ее труд «Верующий разум. К истории средневековой философии», Архангельск: изд. Приморск. пед. ун-та, 2003.

Основные моменты смысла термина «концепт» у П. Абеляра связаны со словом «схватывание» (conceptio), примененным для обозначения одномоментного, точечного, объединяющего соединения – созерцания в душе того, что дано как разное, единичное, многообразное, отдельное. Термин «концепт» применен Абельяром для высказывания, речи, развернутой во времени, которая в душе «схвачена», стянута в некоторый единый смысл – результат.

Другой момент смысла данного термина касается у Абеляра связи мира горнего и мира дольного. Именно душа человека – место встречи этих двух миров, и поэтому в ней формируется концепт как способ богопознания. Внешняя форма речи может быть истолкована по-разному; она несет в себе многообразные моменты, совмещает «разные статусы». Это многоголосие составляет «хор», который в душе человека-слушателя преобразуется в один смысл о высказанном. Третья характеристика концепта, отличающая его от понятия, – его субъективность, индивидуальность, персональность. Понятие связано с интеллектом (рассудком), а концепт – с возвышенным духом, с индивидуальной душой, куда интеллект включен лишь как часть.